
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Ю.А. САФРОНОВА*

ТРЕТЬЯ ВОЛНА *MEMORY STUDIES*: ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА ПРОТИВ ШЕРСТИ¹

Аннотация. Статья посвящена развитию исследований памяти (*memory studies*) как исследовательского поля. Принято выделять три волны в изучении памяти, последняя из которых, начавшаяся в конце 1990-х годов, продолжается до сих пор. В качестве признаков исследовательского поля можно выделить такие сложные составляющие, как уровень, метод, объект анализа, а также институциональную структуру, способную этот анализ организовать, и критерии оценки результатов. Автор анализирует эти составляющие, подробно рассматривая функционирование самого понятия «память», возможность применения методов естественных наук к его изучению, а также уровень институционального развития *memory studies*. Свидетельством выхода направления из диагностированного в конце 1990-х годов кризиса можно считать основание специализированного журнала (2008), ассоциации (2016) и популярность образовательных программ по тематике памяти.

Ключевые слова: исследования памяти; коллективная память; исследовательское поле; институционализация.

* Сафронова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Safronova Julia, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Сафронова Ю.А. Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 12–31. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.01

Ju.A. Safronova
The third wave of memory studies:
Going against the grain for twenty-three years

Abstract. The article focuses on the development of memory studies as a research field. It is accepted to distinguish three waves in memory studies, the last of which, which began in the late 1990 s, continues to this day. As features of a research field we can identify such complex components as a level, a method, and an object of analysis, as well as an institutional structure capable of organizing this analysis, and criteria for evaluating results. The author analyzes these components, specifically focusing on the functioning of the very concept of memory, the possibility of applying methods of natural sciences to its study, as well as the level of institutional development of memory studies. Founding of a specialized magazine (2008) and an association (2016), as well as the popularity of educational programs on the subject of memory can be regarded as evidence of overcoming the crisis diagnosed in the field in late 1990 s.

Keywords: memory studies; collective memory; research field; institutionalization.

For citation: Safronova Ju.A. The third wave of *memory studies*: Going against the grain for twenty-three years // Political science (RU). – М., 2018. – N 3. – P. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01

Успех любого научного направления исследований можно измерить по уровню его институционализации: появлению специализированных журналов, университетских курсов, ассоциаций исследователей и т.п. Современный уровень институционализации исследований памяти – *memory studies* – свидетельствует о несомненном триумфе этой области в качестве отдельного исследовательского поля. В интересе к нему сходятся историки, социологи, искусствоведы и литературоведы, философы, психологи и нейрофизиологи. Описывая состояние этого направления в 2009 г., американский социолог Джеффри Олик иронизировал по поводу «библиографической мегаломании»: если за десять лет до этого, будучи молодым доцентом, он покупал все книги, так или иначе имевшие отношение к коллективной памяти, то теперь такой образ действий сможет разорить самого высокооплачиваемого профессора [Olick, 2008, p. 26].

В исследованиях памяти принято выделять три волны. *Первая* из них относится к 1920–1940-м годам и связана с именами

Мориса Хальбвакса, Аби Варбурга, Вальтера Беньямина и Фредерика Бартлетта, а также немногих их последователей [Egll, 2011, p. 4–5]. Начало *второй* положили два литературных события – книга американского историка Йозефа Йерушалми «Захор: Еврейская история и еврейская память» (1982) и предисловие французского историка Пьера Нора «Между памятью и историей» к антологии «Места памяти» (1984) [Йерушалми, 2004; Между памятью... 1999, с. 17–65].

Важным знаком становления *memory studies* как отдельной дисциплины в это время стало основание в 1989 г. журнала «History and memory» Тель-Авивского университета. Показательно, что в первой статье первого номера «Коллективная память и историческое сознание» ее автор Амос Функенштайн считал необходимым доказывать, что «коллективная память» – это не «ошибка» и не «неправильный термин», хотя «нация не ест и не танцует, так же как она не может говорить или вспоминать» [Funkenstein, 1989, p. 6].

Интерес редакции «History and memory» сегодня, как и в год его основания, в основном сосредоточен на исследованиях памяти о Холокосте, нацизме, расизме, апартеиде, войнах и социальных конфликтах. В журнале в первую очередь представлены исследования конкретных кейсов, преимущественно относящихся к истории XX в. при минимальном внимании к самой дисциплине *memory studies* и ее теоретическим основаниям.

Огромное количество публикаций под знаменем *memory studies*, авторы которых обращались к самым разным предметам, используя всевозможные подходы и методы, не спасло это направление от нараставшей волны критики, вылившейся в начале 2000-х в признание кризисного состояния дисциплины, а также в поиск возможных путей выхода из него. Именно этот «критический» период, начавшийся в конце 1990-х и продолжающийся до сих пор, принято рассматривать в качестве *третьей волны memory studies* [см.: Entangled memory... 2014].

В 2009 г. Д. Олик в статье с симптоматичным названием «Между хаосом и разнообразием: Являются ли исследования памяти полем?» сформулировал ответ на вопрос, вынесенный в заголовок, исходя из понимания исследовательского поля. С его точки зрения, исследовательское поле включает в себя такие сложные составляющие, как уровень, метод, объект анализа, а также институциональную структуру, способную этот анализ организовать, и

критерии оценки результатов. Оценивая уровень развития *memory studies*, Олик справедливо удивлялся тому факту, что исследователи-гуманитарии по-прежнему считают необходимым доказывать свое право на изучение памяти, апеллируя к трудам М. Хальбвакса. В отличие от кажущегося методологического единства, возводимого к «отцу-основателю», множество объектов исследования, а также применение большого числа самых разных концепций, подходов, многообразии вопросов, которые можно изучать под лейблом «память», являются для Олика «сигналами неустойчивости поля» [Olick, 2009, p. 249–252].

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы проверить это утверждение, пользуясь предложенными Д. Оликом критериями исследовательского поля. Специально в ней рассматриваются история возникновения и функционирования самого понятия «память» (коллективная, культурная, социальная и т.д.), возможности применения к ее изучению методов естественных наук, а также уровень институционального развития *memory studies*.

Диагностированный многими исследователями кризис исследований памяти связывают в первую очередь с неопределенностью центрального понятия «память» и отсутствием ясных критериев, позволяющих идентифицировать, что именно можно рассматривать в качестве предмета изучения *memory studies*. Уже в 1995 г. исследовательница современной американской памяти Барби Зелизер в статье «Читая прошлое против шерсти: Положение исследований памяти» задавалась вопросом о будущем концепции коллективной памяти. С ее точки зрения, это исследовательское поле выросло слишком быстро и стало слишком большим, включив в себя «все мысли, чувства и действия по поводу прошлого, которые не изучает традиционная история». Она писала о «трудностях» двух видов: неопределенности предмета и отсутствии ясной концепции: «...многие исследования памяти до сих пор страдают от отсутствия определения, что *есть* коллективная память, за пределами признания, что она *не* индивидуальна» [Zeliezer, 1995, p. 234–235].

Понятие «память» исторично, а разные способы обращения с ней далеко не так очевидны, как может показаться на первый взгляд. Современному человеку проще всего вообразить память как документальный фильм, в котором пережитые события вчерашнего дня или раннего детства запечатлены с разной степенью подробности и достоверности. Между тем в Средние века под па-

мьятью понимали то, что сегодня принято называть воображением или творчеством [Carruthers, 2008]. Френсис Йейтс, обращаясь к искусству памяти эпохи Возрождения, обнаружила, что в некоторых философских системах того времени память рассматривалась как магический метод раскрытия тайной гармонии земной и трансцендентальной сфер [Йейтс, 1997].

Сходство между различными дисциплинами, исследующими память, к какой бы области знания они ни принадлежали, заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена. Количество понятий, связанных с памятью, в естественных науках, как и в гуманитарных, исчисляется сотнями. Эндель Тулвинг, канадский экспериментальный психолог и нейрофизиолог, специализирующийся на исследованиях памяти, в 2007 г. составил список из 256 типов, включив туда и созданные историками понятия культурной памяти, политической памяти, архивной памяти и т.д. Его работа содержала немалую долю иронии по этому поводу [Tulving, 2007].

Различные дисциплины помещают память индивида то в человеческом мозге, то в психике. С первым имеют дело нейрология и нейробиология, со второй – психология, когнитивная психология и т.д. Индивидуальная память не локализуется только «в голове»: к процессу воспоминаний причастны телесность и органы чувств, а также находящиеся вне тела человека триггеры, способные запускать процесс воспоминания – звуки, запахи, изображения и слова, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни [Garde-Hansen, 2011, p. 14–15]. Именно в последней точке понимание феномена памяти естественными науками сближается с тем, что интересует гуманитарное знание. Сегодня, в отличие от первой половины XX в., уже никто не оспаривает тезис, что память является подходящим объектом исследования для историков, социологов и антропологов, или что память может быть понята отдельно от своих источников, которые находятся за пределами человеческого мозга.

Во всем многообразии социальных и гуманитарных исследований, авторы которых работают с понятием «память», подразумевая при этом совершенно разные вещи, можно обнаружить нечто общее. Память – это способ конструирования людьми своего прошлого. С одной стороны, она может изучаться как память – свидетельство людей, переживших некий опыт, например выжив-

ших в Холокосте. С другой стороны, это понятие используют для анализа репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т.д.

Когда в 20-х годах XX в. французский социолог Морис Хальбвакс, к идеям которого многие из современных ученых возводят генеалогию *memory studies*, впервые предложил понятие «коллективная память», другой отец-основатель (на этот раз школы «Анналов»), историк Марк Блок, указал ему, что это понятие метафорично, а потому бессмысленно. В самом себе оно содержит допущение, что коллектив обладает памятью подобно тому, как ею обладает отдельный человек. Алейда Ассман в книге «Новое недо-вольство мемориальной культурой» цитирует страстную речь немецкого историка Райнхарда Козеллека, 78 лет спустя вторившего аргументам Марка Блока: «У меня нет воспоминаний, не обусловленных личным опытом. Я бы даже сказал, что каждый человек имеет право на собственные воспоминания. Это право на собственную биографию и собственное прошлое; данное право нельзя отнять никакими ссылками на коллективность и гомогенизацию, никакими требованиями или ожиданиями. Мое воспоминание есть нечто совершенно иное, нежели то, что является частью официальной коммеморации немецкого народа 27 января, в день освобождения Аушвица советскими войсками» [Ассман, 2016, с. 15–17].

М. Хальбвакс, вопреки распространенному мнению, никогда не утверждал, что коллектив обладает собственной памятью. Социолог Сара Генсбургер настаивает даже, что хотя множество текстов, посвященных памяти, сегодня начинается с упоминания Хальбвакса, эти ссылки остаются формальными. «Едва ли какая-нибудь современная работа, отдающая свой долг Хальбваксу, в действительности цитирует его или эффективно использует его тексты для дальнейшего эмпирического исследования. Этот формализм чистой воды можно обнаружить по всему миру и во всех дисциплинах, обращающихся к исследованиям памяти», – пишет она [Gensburger, 2016, p. 399].

Определяющей для размышлений М. Хальбвакса стала статья Э. Дюркгейма 1898 г. «Индивидуальные и коллективные представления». В ней основатель французской социологической школы обращался к феномену памяти, само существование которой было для него доказательством существования «коллективных представлений». Отвергая исключительно физиологическую природу

памяти как «органического факта», он относил ее к области психической жизни. Собственно, вопрос о «психической памяти» занимал его не сам по себе, но как свидетельство существования индивидуальных представлений. Дюркгейму важно было доказать, что представления способны сохраняться в сознании, а не возникают каждый раз заново, но при этом в определенной мере независимы от него, поскольку зачастую остаются в области бессознательного. Перенеся свои рассуждения об индивидуальных представлениях в социальную сферу, Дюркгейм смог постулировать существование коллективных представлений: «...коллективные представления, порожденные действиями и противодействиями между элементарными сознаниями, из которых состоит общество, прямо не вытекают из последних и, следовательно, выходят за их пределы», – писал он. Эта статья заканчивалась призывом создать новую отрасль социологии, изучающую «законы коллективного существования идей» – коллективную психологию [Дюркгейм, 1995].

Ответом на него стала работа М. Хальбвакса 1918 г. «Доктрина Эмиля Дюркгейма», где он, реагируя на научный проект Дюркгейма, продолжил развивать идею коллективной психологии, основанной на изучении коллективного сознания. С его точки зрения, коллективная психология способна объяснить, как мотивы, стремления и эмоции соединяются в коллективные представления, хранящиеся в памяти, которая является центральной точкой высших способностей разума. В отличие от Дюркгейма, относившего социальную память к области бессознательного, Хальбвакс постулировал три основных тезиса:

- индивидуальная память социально сконструирована;
- существование коллективной памяти опосредовано группами (семьей и социальными классами);
- существует «большая» коллективная память на уровне обществ и цивилизаций.

Одна из самых известных работ М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» была начата им в 1921 г. и опубликована в 1925 г. Для анализа социально обусловленной памяти Хальбвакс предложил понятие «рамка» (*cadre*). Нигде не давая его определения, он использует это понятие в двух разных смыслах. Более простое для понимания – описание рамки как комплекса пространственно-временных и социальных представлений, опосредованных языком, позволяющего вспоминать по желанию основные события про-

шлого [Хальбвакс, 2007, с. 138]. Более сложное, но при этом и более важное для самого Хальбвакса, – рассуждение о соотношении рамки и содержимого, повторяющее (с новыми аргументами) размышления Э. Дюркгейма. Отрицая существование «чистых» воспоминаний, Хальбвакс писал, что «рамка и события тождественны по природе: события суть воспоминания, но и сама рамка состоит из воспоминаний. Эти два рода воспоминаний различаются тем, что вторые более устойчивы, всегда заметны нам, и мы пользуемся ими для припоминания и реконструкции первых» [там же, с. 135–136].

Таким образом, основная мысль французского социолога заключается в том, что нет воспоминаний, не обусловленных социальными рамками. Каждый раз, обращаясь к своему прошлому, человек смотрит на него из дня сегодняшнего и пользуется ориентирами, которые предлагает ему его социальная группа. Прошлое доступно нам не таким, каким оно было, но только как «реконструкция», правила которой заданы днем сегодняшним, «...общество обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять, с тем чтобы мы, оставаясь убежденными в точности своих воспоминаний, приписывали им обаяние, каким не обладала реальность» [там же, с. 151].

В критике М. Блока, однако, есть своя доля истины: понятие «память» действительно метафорично, а потому обладает всеми достоинствами и недостатками, свойственными метафорам. С одной стороны, оно будит воображение, позволяет дать имя многообразию сложно сопоставимых, а иногда и сложно уловимых процессов, и таким образом дает исследователям новые предметы познания или новые инструменты для работы со старыми. С другой стороны, любая метафора ничем не ограничена в производстве смыслов. Вооружившись ею, как знаменем, можно изучать практически что угодно, а на любую критику отвечать, что автор использует понятие метафорически.

Метафоричность основного понятия *memory studies* создает особое поле напряжения, поскольку содержит в себе искушение психологией и психоанализом. Между тем признанный представителями естественных наук факт, что изучение индивидуальной памяти невозможно без рассмотрения социального контекста ее бытования, вовсе не означает обратного. Необязательно разбираться в том, какие именно зоны головного мозга отвечают за процесс

воспоминания, чтобы изучать память о Первой мировой войне в Великобритании или Жанну Д'Арк как французское «место памяти». Наоборот, экскурсии в нейробиологию или психоанализ скорее осложняют процесс познания, затемняя его предмет. Специалист по памяти о Холокосте в послевоенной Европе Вульф Канстайнер, выступая в 2002 г. с методологической критикой *memory studies*, настаивал на необходимости разделять различные типы «социальной» памяти: автобиографической памяти, с одной стороны, и коллективной памяти – с другой. «Из-за отсутствия такого различия многие исследователи коллективной памяти совершают заманчивую, но потенциально смертельную ошибку, воспринимая и концептуализируя коллективную память в терминах психологии и эмоциональной динамики индивидуального воспоминания» [Kansteiner, 2002, p. 185].

Проведение аналогий между индивидуальной памятью как свойством человеческой психики и коллективной памятью способны завести исследователей на зыбкую почву: переход от «коллективной памяти» к «коллективной психике» совершается довольно легко, но его результаты всегда сомнительны. Самый яркий пример здесь – это понятие «коллективной исторической травмы», еще более зыбкое и метафоричное, а потому вызывающее гораздо больше споров, чем коллективная память [Kansteiner, Weilnboeck, 2010].

С другой стороны, нельзя утверждать, что обращение историков к работам нейробиологов или психологов одинаково бесполезно во всех случаях. Напротив, в рамках *memory studies* историки регулярно сталкиваются с необходимостью интерпретации автобиографической памяти, памяти-свидетельства. Примером работы, где результаты исследований когнитивных психологов служат для объяснения основных тредов памяти о Холокосте в послевоенной Германии, является статья немецкого историка Харальда Вельцера «История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы». Статья начинается с впечатляющего примера конфликта между историком и свидетелем. Дрезденцы, пережившие разрушительные бомбардировки города союзнической авиацией 13–14 февраля 1945 г., твердо убеждены, что после самой бомбежки самолеты летали над улицами Дрездена и охотились на людей. В 2000 г. историк Хельмут Шнатц сделал доклад, в котором на основании полетных заданий и бортжурналов британских военно-воздушных подразделений, а также анализа техноло-

гических особенностей американских самолетов (а они не могли низко летать над горящим после бомбардировки городом из-за высокой температуры) доказал, что история про охоту на людей – миф. Его выступление вызвало скандал: присутствовавшие на докладе свидетели восприняли слова историка как посягательства на их личные воспоминания. Они точно помнили летящие на бреющем полете самолеты и спасавшихся бегством людей, которых видели собственными глазами.

Объяснение этому, а также многим другим случаям аберраций памяти, Вельцер находит у неврологов и когнитивных психологов, работающих с феноменом «забвения источника», когда человек помнит само событие правильно, но путает источник, из которого получено воспоминание о нем. Одно из основных посланий статьи Х. Вельцера заключается в том, что память и история имеют мало отношения друг к другу, поскольку «автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем» [Вельцер, 2005].

Статья Х. Вельцера служит удачным примером работы, где выводы коллег из другого цеха, изложенные к тому же доступным языком, помогают автору прояснить его основной тезис. В то же время историку вовсе не обязательно цитировать нейробиологов во всех случаях, когда он работает с автобиографической памятью. Итальянский «устный» историк Алессандро Портелли, изучивший не менее впечатляющий пример ложных воспоминаний у жителей Рима в связи с массовыми казнями в Ардеатинских пещерах в 1944 г., к когнитивной психологии не обращался вовсе. В его работе анализируется очередной конфликт между свидетелем, убежденным в том, что знает причины массовых казней, и историком. Портелли не ищет объяснений в процессах, протекающих в коре головного мозга свидетеля. Его интерпретация ложных воспоминаний строится на изучении четырех взаимосвязанных составляющих памяти об Ардеатинских пещерах: истории, мифа, ритуала и символа. Мифологическая версия этого события, с точки зрения Портелли, столь сильна именно потому, что связана с множеством до сих пор неразрешенных вопросов о прошлом: «Италия – единственная страна, где через полвека после трагедии все еще не утихают споры о том, кем же были борцы за свободу – героями или преступниками; единственная страна, где обсуждается вопрос,

преступление это или нет – бросать бомбу в марширующую колонну связанных с СС полицейских войск вражеской оккупационной армии», – пишет Портелли [Портелли, 2005, с. 464].

На примере работ Вельцера и Портелли хорошо видно, как авторы, работающие со схожими сюжетами, включающими в себя феномен ложного воспоминания, с одним и тем же видом источников – интервью свидетелей, по-разному решают вопрос, нуждается ли функционирование автобиографической памяти в объяснениях нейробиологов, или историку достаточно тех инструментов, которые способна предложить ему его собственная дисциплина. Этот выбор двух исследователей возвращает нас к вопросу о том, в какой мере понятие «память» является «просто метафорой». Ответ на него не может быть однозначным или данным раз и навсегда. Выносить суждение о пользе или вреде нейробиологии, психологии и подобных дисциплин для исторической работы можно только исходя из поставленного в каждом конкретном случае исследовательского вопроса. В. Канстайнер писал, что «хотя коллективная память не имеет органической основы и не существует в буквальном смысле, хотя она и включает индивидуальную агентность, понятие “коллективная память” не просто метафора. Коллективная память проистекает из разделенной коммуникации о значении прошлого, закрепленном в жизненном мире индивидов, которые принимают участие в общественной жизни соответствующего коллектива» [Kansteiner, 2002, p. 185].

Понятие «коллективная память», переоткрытое вместе с работами М. Хальбвакса в 1980-х годах, довольно быстро перестало устраивать большинство исследователей вследствие своего антииндивидуализма. Как последовательный дюркгеймианец, М. Хальбвакс понимал под коллективной памятью коллективно разделяемые репрезентации прошлого, но при этом настаивал, что индивидуальная память полностью социально детерминирована, а потому отдельный человек не имеет значения для истории «коллективной памяти». Пытаясь преодолеть этот крайний социологизм, историки принялись изобретать альтернативные понятия: историческая память, культурная память, социальная память, публичная память, историческая память и даже постпамять. Такая неопределенность основного понятия, а также многообразие конкурирующих интерпретаций при отсутствии собственного метода служат одним из главных оснований критики *memory studies*. С другой стороны,

раздаются голоса, утверждающие, что понятие «память» не способно добавить в исторические исследования ничего нового по сравнению с такими классическими понятиями, как «миф», «обычай», «традиция» и «историческое сознание» [Gedi, Elam, 1996].

Одним из наиболее часто цитируемых критических текстов рубежа 1990–2000-х годов стала статья Алона Конфино «Коллективная память и культурная история: Проблемы метода». Американский историк перечислял темы недавних исследований своих коллег («...Монументы. Фильмы. Музеи. Микки Маус. Память американского Юга, Холокоста. Французская революция. Память о недавних событиях. Память о текущих происшествиях. Непосредственное воспоминание о вчерашних новостях»), чтобы констатировать фрагментарность исследовательского поля, не имеющего «ни центра, ни связи между темами» [Confino, 1997, p. 1388]. Отсутствие сколько-нибудь общего понимания, что следует подразумевать под понятием «память», а также отсутствие собственной методологии, с точки зрения автора, делают результаты исследований этой области описательными и предсказуемыми. Историки, увлекаясь описанием процесса конструирования памяти, упускают из виду общество, в котором эта память существует. Они либо описывают многообразие конкурирующих версий одного и того же события, не объясняя того, каким образом конфликт репрезентаций прошлого не раскалывает общество, либо, напротив, рассматривают память как нечто гомогенное, игнорируя составляющие ее противоречивые суждения о прошлом.

В 1998 г. Д. Олик и Д. Роббинс в статье «Социальные исследования памяти: От “коллективной памяти” к исторической социологии мнемоники» не менее критически утверждали, что эта область исследований непарадигматична, междисциплинарна (что в данном случае не было комплиментом) и к тому же не имеет центра. В статье под сомнение было поставлено само существование *memory studies* как специфического исследовательского поля [Olick, Robbins, 1998]. 11 лет спустя, в 2009 г., размышления Д. Олика по поводу институционального уровня развития *memory studies* приводят его к закономерному вопросу о том, почему вообще необходимо объявлять какую-то интересную тему исследования или слабо связанные между собой вопросы «направлением». В его интерпретации, это желание в той же мере связано с устройством академии, сколько с потребностями самих исследователей. На-

правление нуждается в институциональной и организационной структуре для своего развития. За пределами конференций, симпозиумов и социальных связей, на уровне университета ученые все еще нуждаются в «более значительных интеллектуальных основаниях, чем простое желание воображаемого сообщества», чтобы «отважиться» просить декана факультета об отдельной программе или «набраться наглости» на «факультет исследований памяти» [Olick, 2009, p. 249–252].

Вульф Канстайнер, пытаясь найти «смысл» в исследованиях памяти, обратил внимание на игнорирование многими исследователями медийной составляющей этого феномена. Поскольку речь идет о поиске смысла прошлого, помещенного в определенный культурный контекст, коллективная память по природе своей всегда опосредована, она представляет собой «мультимедийный коллаж». Историки, обращаясь к изучению монументов, текстов, изображений, коммеморативных практик или ландшафтов, фокусируются, как правило, на одной медийной составляющей процесса воспоминания, игнорируя другие. Другая проблема заключается, с его точки зрения, в том, что, сосредоточившись на репрезентациях прошлого, исследователи упускают из вида центральную роль человека в истории как создателя репрезентаций. «Формальные и семантические качества исторических репрезентаций могут иметь мало общего с намерениями их авторов, и ни предмет исследования, ни его автор не могут быть хорошими индикаторами последующего процесса рецепции», – пишет он [Kansteiner, 2002].

Ответом на сомнения в существовании *memory studies* как самостоятельного исследовательского поля, а также на явно обозначившийся методологический кризис, стало основание в 2008 г. журнала «Memory studies». В его редакционный совет вошли многие из тех, кто высказывал свое недовольство состоянием исследований: Эндрю Хоскинс, Вульф Канстайнер, Джон Саттон и др. В редакционной статье первого номера журнала они подчеркнули, что главной своей целью видят облегчение «диалога или дебатов о теоретических, эмпирических и методологических задачах, центральных для совместного понимания памяти сегодня» [Editorial, 2008, p. 5–7].

Продолжением процесса институционализации *memory studies* стало учреждение в декабре 2016 г. Ассоциации исследований па-

мяти (The Memory Studies Association). В статье, посвященной этому событию [Olick, Sier, Wuestenberg, 2017], Д. Олик, А. Сир и Д. Вюстенберг напомнили читателям о том, что при создании журнала «Memory studies» в 2008 г. эта область исследований все еще была новой, тогда как сегодня она «больше не начинающая, но, к счастью, пока еще не довольная собой». С их точки зрения, давние обвинения в «непарадигматичности» сегодня едва ли справедливы с интеллектуальной точки зрения, но все еще обоснованы, если говорить об институциональном аспекте существования *memory studies* как самостоятельного поля. Хотя за последние 20 лет неоднократно предпринимались попытки создания различных ассоциаций и сетей, все они были фрагментарны, замкнуты на отдельных регионах, к тому же многие из них прекратили свое существование, продержавшись несколько лет. Новая ассоциация ставит своей целью объединить существующие сети и группы, а также создать площадку для практически ориентированных исследователей и политиков.

Достижение этой цели включает в себя следующие задачи.

– Выход за рамки евро- и американоцентризма, с расширением географии исследований памяти, для чего предполагается проводить конференции в разных частях мира, а также обеспечить открытый онлайн-доступ к ресурсам ассоциации.

– Выход за рамки академии, привлечение политиков, художников и практиков.

– Выход за дисциплинарные границы, взаимодействие с представителями естественных наук.

– Привлечение ученых из «родственных» полей, таких как исследование исторического наследия, устная история, транснациональная юстиция, архивоведение и т.д.

– Представление интересов *memory studies* как профессионального сообщества, включая создание возможностей для карьерного продвижения и поддержку начинающих исследователей.

– Увеличение видимости исследовательского поля для спонсоров, как государственных, так и частных.

– Участие в качестве экспертов в политических дискуссиях сегодняшнего дня [см.: Olick, Sier, Wuestenberg, 2017].

Сегодня, вопреки давним опасениям Джеффри Олика, многие университеты не расценивают претензии на создание специальных программ по *memory studies* как «наглость». Простой поиск

в Google по запросу «memory studies program» дает несколько сотен результатов, правда в названиях программ «культурная память» соседствует с «социальной памятью» и т.д. Вопрос о том, преодолен ли кризис дисциплины, по-прежнему остается открытым. *Memory studies* продолжают являть собой удивительное по степени диверсификации исследовательское поле, не имеющее общего понятийного аппарата, методологии или признанных всеми предметов исследования. В то же время этот затянувшийся кризис сопоставим с кризисами исторических исследований или гуманитарных дисциплин вообще, констатация которых отнюдь не мешает их процветанию, появлению прорывных исследований и широко цитируемых книг.

Список литературы

- Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
- Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас*. – М., 2005. – № 2/3. – С. 28–35.
- Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – С. 208–243. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/_Soc_intro.php (Дата посещения: 21.01.18.)
- Йейтс Ф.* Искусство памяти. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 480 с.
- Йерушалми Й.* Захор: Еврейская история и еврейская память. – М., 2004. – 170 с.
- Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память [Текст] / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюеиж, М. Винок; пер. с франц. Д. Хапевои. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. – С. 17–65.
- Портелли А.* Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: История, миф, ритуал, символ // *Неприкосновенный запас*. – М., 2005. – № 2/3. – С. 463–480.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- Carruthers M.* The book of memory. A study of memory in medieval culture. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 393 p.
- Confino A.* Collective memory and cultural history: Problems of method // *The American historical rev.* – Bloomington, 1997. – Vol. 102, N 5. – P. 1386–1403.
- Editorial / A. Hoskins, A. Barnier, W. Kanstainer, J. Sutton // *Memory studies*. – L., 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 5–7.
- Entangled memory: Toward a third wave in memory studies / G. Feindt, F. Krawatzek, D. Mehler, F. Pestel, R. Trimcev // *History and theory*. – Middletown, 2014. – Vol. 53, N 1. – P. 24–44.
- Erl A.* Travelling memory // *Parallax*. – L., 2011. – Vol. 17, N 4. – P. 4–18.

- Funkenstein A.* Collective memory and historical consciousness // History and memory. – Bloomington: Indiana univ. press, 1989. – Vol. 1, N 1. – P. 5–26.
- Garde-Hansen J.* Media and memory. – Edinburg, 2011. – 174 p.
- Gedi N., Elam Y.* Collective memory – What is it? // History and memory. – Bloomington, 1996. – Vol. 8, N 1. – P. 30–50.
- Gensburger S.* Halbwachs' studies in collective memory: A founding text for contemporary «memory studies»? // Journal of classical sociology. – L., 2016. – Vol. 16, N 4. – P. 396–413.
- Kansteiner W.* Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and theory. – Middletown, 2002. – Vol. 41, N 2. – P. 179–197.
- Kansteiner W., Weilnboeck H.* Against the concept of cultural trauma (or how I learned to love the suffering of others without the help of psychotherapy) // Cultural memory studies: International and interdisciplinary handbook / A. Erll, A. Nunning (eds). – Berlin, 2010. – P. 229–241.
- Olick J.* «Collective memory»: A memoir and prospect // Memory studies. – L., 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 23–29.
- Olick J.* Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? // International journal of politics, culture and society. – N.Y., 2009. – Vol. 22, N 2. – P. 249–252.
- Olick J., Robbins J.* Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic // Annual review of sociology. – Palo Alto, Calif., 1998. – Vol. 24. – P. 105–140.
- Olick J., Sier A., Wuestenberg J.* The memory studies association: Ambitions and an invitation // Memory studies. – L., 2017. – Vol. 10, N 4. – P. 490–494.
- Tulving E.* Are there 256 different kinds of memory? // The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger / Ed by J.S. Nairne. – N.Y.: Psychology press, 2007. – P. 39–52.
- Zelizer B.* Reading the past against the grain: The shape of memory studies // Critical studies in mass communication. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 1995. – Vol. 12, N 213. – P. 215–239.